

ной стороны плану, и что планъ этотъ былъ бы такой. Говоря схематически, его произведеніе оказывается въ расположеніи трехъ указанныхъ выше элементовъ вытянутымъ по прямой линіи: романъ переходитъ въ исторію, исторія—въ философію, и послѣдняя съ первымъ составляютъ два полюса; но не ограничишься гр. Толстой въ своихъ отвлеченныхъ разсужденіяхъ одной историческою жизнью, а дай въ нихъ мѣсто и вопросу о жизни личной, столь богато и разнообразно воспроизведенной въ семейной хроникѣ, и свяжи онъ эту расширенную философію съ романомъ переходными мѣстами,—сближеніе двухъ полюсовъ превратило бы прямую линію въ замкнутый въ себѣ циклъ романа, переходящаго въ исторію, исторіи, приводящей къ философіи, и философіи, опять соприкасающейся съ романомъ. Вотъ въ центрѣ воображаемаго цикла и помѣщалась бы основная идея цѣлаго, носительница его внутренняго единства. Конечно, формулировать эту идею въ немногихъ словахъ такое построеніе «Войны и мира», пожалуй, и не облегчило бы, но она выступала бы рельефнѣе и сама давалась бы въ руки, — эта центральная идея. А она именно существуетъ и при теперешнемъ несовершенномъ архитектурномъ планѣ «Войны и мира»: есть здѣсь одна мысль, къ которой не даромъ же не разъ возвращается гр. Толстой, и эта, а не другая какая-либо мысль, имѣетъ право на значеніе центральной идеи всего произведенія. «Жизнь, — говоритъ, во-первыхъ, гр. Толстой,—*настоящая* жизнь людей съ своими *существенными* интересами здоровья, болѣзни, труда, отдыха, съ своими интересами мысли, науки, поэзіи, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей, шла, *какъ и всегда*, независимо и внѣ политической близости и вражды съ Наполеономъ и *внѣ всевозможныхъ пре-*